

— Сядь.

Чжоу Цзимин посмотрел на Ван Хэна. Его взгляд казался совершенно бесстрастным, а свет в комнате для допросов и без того был тусклым. Глаза Чжоу Цзимина находились в полутьме, и было трудно понять, что он замышляет. Ван Хэн чувствовал себя добычей, которая в любой момент может быть разорвана.

Чем дольше он смотрел в глаза Чжоу Цзимина, тем сильнее ощущал, что его мысли читают. Под ногами уже не было твёрдой земли, а лишь бездонная чёрная дыра, в которую он мог провалиться в любой момент, оставшись без помощи и поддержки.

Взгляд Ван Хэна стал неуверенным, и он медленно выпрямился.

— Расскажи, как всё произошло, — сказал Лю Гунье.

Ван Хэн пошевелил руками, скованными наручниками. Его пальцы переплелись, время от времени касаясь друг друга кончиками. Это было явным признаком отсутствия чувства безопасности.

— Выложи всё, как есть, не притворяйся, — добавил Лю Гунье.

Пальцы Ван Хэна замерли. Он опустил взгляд на свои руки и молчал несколько минут. Лю Гунье и Чжоу Цзимин не прерывали его.

— Спрашивайте сами, я не могу нормально выразить свои мысли, — глухо произнёс Ван Хэн.

Чжоу Цзимин прищурился, пытаясь понять, что скрывает Ван Хэн, и решил продолжить игру.

— Почему Фань Сяофан? — спросил он.

— Что?

— Почему ты выбрал именно Фань Сяофан для убийства? Разве ты не искал острых ощущений? Почему не выбрал кого-то поблизости?

— Случайно увидел её на улице. Она показалась мне симпатичной, да и всегда была одна, так что с ней было проще справиться.

— Как долго ты за ней следил?

— Около месяца.

— Почему убил её ранним утром 3 июля?

— Просто так получилось.

— И просмотр камер наблюдения тоже случайность?

Ван Хэн замолчал на мгновение.

— Просто она в тот день была в том отеле. Кто мог знать, что она туда зайдёт?

— Если ты не планировал убийство на этот день, зачем тогда появился в отеле месяц назад и забрал записи с камер за 2-е и 3-е число? — Чжоу Цзимин достал из папки стопку фотографий

и бросил их на стол перед Ван Хэном. — Посмотри сам. Кто это на входе?

Ван Хэн искоса взглянул на фотографии, разложенные на столе. На них был запечатлён он сам, появляющийся у входа в отель «1936» 3-го числа прошлого месяца. На других снимках он проникал в помещение и даже в комнату с мониторами.

— Ещё раз спросить: это случайность? — Чжоу Цзимин устремил проницательный взгляд на Ван Хэна. — Зачем ты решил убить господина Суна?

Ван Хэн посмотрел на Чжоу Цзими́на, но быстро отвёл взгляд.

— Ему просто не повезло. Кто бы мог подумать, что он ночью пойдёт в безлюдный переулок.

— А ты зачем туда пошёл? Потому что господин Сун видел твоё лицо, когда ты следил за Фань Сяофан? Или это тоже случайность?

Чжоу Цзимин заметил, что нога Ван Хэна начала дрожать с момента упоминания имени «господин Сун». Эти три слова явно вызывали у него тревогу.

— Ван Хэн, если ты скажешь правду и перестанешь хитрить, возможно, тебе удастся прожить ещё несколько лет, — сказал Лю Гунье.

Ван Хэн был самым обычным человеком, ничем не примечательным. Когда он говорил, то редко смотрел в глаза собеседнику. Он всегда что-то обдумывал, что-то рассчитывал. Он был нечист на руку, но и не слишком изощрённым убийцей.

— Можешь молчать, но улики против тебя предостаточно. Как только всё окажется в суде, тебе останется только рассказать всё Яньло-вану.

Ван Хэн продолжал молчать, что раздражало Чжоу Цзими́на. Что он скрывает о Сун Нае? Его молчание явно указывало на то, что причины, по которым он хотел убить Сун Ная, были далеко не случайными.

Чжоу Цзимин смотрел на Ван Хэна, и его взгляд становился всё более жестоким. Он неосознанно усилил давление подушечками пальцев, раздумывая над следующим шагом, когда вдруг увидел, как Ван Хэн улыбнулся.

Это была улыбка, которую можно было заметить только с его угла.

Кратковременная, почти мгновенная, после которой Ван Хэн снова стал бесстрастным.

— Если ты не хочешь говорить с нами, тогда пусть улики скажут всё за тебя, — Лю Гунье встал и начал собирать фотографии. — Твои родители приедут позже. Подумай, что ты им скажешь.

Лю Гунье сложил фотографии в папку и вышел из комнаты, оставив Чжоу Цзими́на и Ван Хэна наедине.

— Хватит притворяться, теперь только мы с тобой, — холодно произнёс Чжоу Цзимин.

— Я не притворяюсь. Разве не очевидно, о чём я думаю? — Ван Хэн поднял глаза на Чжоу Цзими́на, словно змея, встреченная в темноте, готовая укусить. — Я сказал всё, что хотел. Остальное пусть скажет мой адвокат.

Чжоу Цзимин усмехнулся.

— Это ты сам нашёл адвоката, или тебе его кто-то предоставил?

Ван Хэн насторожился.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты — бедный парень, без работы, живущий в дешёвом доме под снос. Но у тебя есть новенький BMW и адвокат. Не говори, что это тоже случайность.

— Я украл его.

— И адвоката тоже украл?

— Нужно же думать о будущем, не так ли?

Чжоу Цзимин, не отрывая взгляда от шеи Ван Хэна, спросил:

— На кого ты работаешь? Что ты искал в Фань Сяофан?

— Раз ты такой умный, сам разберись, — Ван Хэн прикрыл шею рукой. — Твоя жесткость по отношению ко мне пока преждевременна. Впереди ещё много интересного.

Чжоу Цзимин рассмеялся.

— Ты не стоишь того, чтобы я тратил на тебя силы. Даже с травмой ты не смог от меня уйти, так что не говори глупостей.

Он снова стал серьёзным.

— Ты упустил последний шанс на смягчение приговора.

Ван Хэн зевнул и расслабленно откинулся на спинку стула.

— Последний ли это шанс, ещё покажет время.

Чжоу Цзимин вышел из комнаты для допросов под смех Ван Хэна.

Фу Ли с вопросительным взглядом посмотрела на Чжоу Цзимина. Тот мрачно произнёс:

— Это дело ещё не закончено.

----

Лю Гунъе отправил людей в родной город Фань Сяофан, чтобы привезти её мать. Ей сообщили о произошедшем, и мать Фань Сяофан настояла на том, чтобы лично увидеть тело дочери.

Раны на теле уже были зашиты судмедэкспертами, но шрам на шее был слишком заметен. Мать Фань Сяофан, касаясь её щеки, приложила все силы, и в конце концов опустилась рядом с ней, не в силах подняться. Она повторяла:

— Прости меня.

Полиция не стала рассказывать матери о том, что внутренние органы Фань Сяофан были изуродованы. Это было слишком жестоко. Даже после кремации мать так и не узнала, как её дочь была изувечена после смерти.

В тот день казалось, что весь морг наполнился плачем.

Суд по делу состоялся через неделю. Рано утром у здания суда собрались десятки журналистов и телевизионных команд, полностью блокируя вход. Родители Ван Хэна также пришли на заседание, а некоторые журналисты даже смогли пробраться внутрь в качестве зрителей.

В связи с неопровержимыми доказательствами Ван Хэн был приговорён к смертной казни, исполнение которой было назначено на следующий год.

После окончания суда мать Ван Хэна потеряла сознание. Супруги немного отдохнули, прежде чем выйти из здания суда. Как только они появились, их тут же окружили журналисты, засыпая вопросами.

— Как вы воспитали такого убийцу?

— Что пошло не так в вашем воспитании?

— Вы подвергали сына насилию?

— Ваши супружеские отношения повлияли на сына?

— Что вы хотите сказать обществу по поводу убийства, совершённого вашим сыном?

...

Ван Дэ, которого толкали со всех сторон, не смог вымолвить ни слова, Лу Шань только плакала.

Мать Фань Сяофан вышла сзади, поддерживаемая сопровождающими. Она была больна, и после всех этих событий выглядела ещё более худой и измождённой, действительно «иссохшей».

Лу Шань, увидев уставшую мать Фань Сяофан, бросилась к ней на колени, рыдая и прося прощения. Она говорила, что не понимает, как её сын стал таким, и умоляла о прощении.

Две матери плакали вместе. Одна потеряла ребёнка, лишившись жизни, другая — потеряла душу.

Авторское примечание: Маленькое дело закончено. Название главы — «Один штрих». Второе маленькое дело закончится в главе под названием «Два штриха», и так далее~

<http://bllate.org/book/16876/1555653>